

Жилплощадь искусств Двадцать лет «Пушкинской, 10» отмечает Станислав Савицкий

Юрий Никифоров, «Восточное письмо». 2004 (Большой зал Музея неонконформистского искусства)

Анна Красная, «Ретро». 2009 (Малый зал Музея неонконформистского искусства.)

В ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА жители окрестных домов опасались дня рождения этого арт-сквота. Мало того что допоздна гремел рок в исполнении звезд 1980–90-х, — в этот светлый день все экстравагантные обитатели арт-центра вылезали из мастерских и студий на свет, напоминая внешнему наблюдателю массовку из «От заката до рассвета». Теперь сквот уже не сквот, а дом ветеранов художественной сцены, и вместо былого задора здесь царят спокойствие и умеренность. Чудом на Пушкинской продолжают работать несколько галерей, которым рекомендовано не создавать поводов для беспокойств и лишний раз не нер-

вировать постояльцев. В принципе, то же самое происходит с большинством старых европейских сквотов, будь то знаменитый Тахелес в Берлине или десятилетиями ждущий капремонта дом в двух шагах от Лувра, захваченный под мастерские художественной общественностью.

Юбилей Пушкинской должен пройти без эксцессов. Раз уж этому стихийно сформировавшемуся сообществу удалось про-

существовать столько лет, теперь всяко лучше позаботиться о самосохранении и не совершать резких движений. Рекомендуются выставки о героическом прошлом центра, экспозиции сотрудничающих с ним художников и работа с молодежью, которой однажды надо будет передать эстафетную палочку. Два главных события юбилея — проекты Новой Академии Изящных Искусств и Музея неонконформистского искусства. Первый это выставка текстилей Тимура Новикова, посвященных восточным мотивам. В Новой Академии будут представлены в основном работы из «Китайского цикла», вы-

полненные в годы расцвета неоакадемизма. И раньше, в восьмидесятые, и позднее, в ультраконсервативный период, Новиков много работал с коллажами из текстиля. В ранних объектах узнаются темы и мотивы неоэкспрессионистских лет или стилистика «Новых художников». Работы, выставленные к юбилею сквота, сочетают в себе элементы европейского религиозного декоративно-прикладного искусства и свой-

ственную некоторым русским авангардистам веру в особую связь русской культуры с архаикой Востока. Новиков, как символисты и футуристы, был убежден, что энергию и своеобразие наше искусство черпает в скифской древности.

В Музее неонконформизма покажут работы тех, кто должен прийти на смену титанам андеграунда. «Новые имена» — выставка молодых или малоизвестных художников, которая традиционно проводится раз в год. На этот раз на ней покажут очень разное искусство. Абстракционистские картины Сергея Ларионова конструируют воображаемые пространства. Компьютерная графика Олега Назарова это и дань футуристской традиции, и игры с оптическими иллюзиями, и упражнения в поп-арте. Алина Красная в своей живописи воспроизводит эпизоды знаменитых фильмов. Сергей Киселев старательно фиксирует фантазии и грезы, вдохновляясь сюрреалистскими экспериментами с подсознанием. Среди новейших имен два художника из кронштадтской группы «Гавань»: Альберт Ищенко рисует в пуантилистской манере, тогда как Сергей Гаврилов пытается исчерпать комбинаторные возможности коллажной техники.

«Пушкинская, 10» (вход с Лиговского проспекта, 53), с 27 июня, расписание на странице 33

Будущее в цветочек Александра Щекатихина-Потоцкая в Русском музее рассказывает Ольга Лузина

Тарелка «1 мая». 1921

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, «Да здравствует мировая республика Советов», «Всем сердцем молод, в руки книгу, серп и молот», «Кто не работает, то и не ест». С другой, «Святой Сергей на сказочном льве», «Иванушка на Коньке-Горбунке», «Нитки мотают». Это названия произведений художницы Александры Щекатихиной-Потоцкой (1892–1967), работавшей с живописью, графикой, в том числе книжной, театральными декорациями и костюмами, но получившей известность благодаря фарфору. Ученица Николая Рериха и Ивана Билибина, она вслед за ними влюбилась в узорчато-лубочный мир русских сказок, выставляла акварели по мотивам былин вместе с мирискусниками, а когда разразилась революция, нашла прибежище для своего таланта на Государственном фарфоровом заводе и наряду с тарелками-агитками продолжала лепить рыбок, снегурочек и свадебные вазочки. Ее жарптичьи краски радостно расцвели на снежной глади «белья»: художники работали на старых заготовках, и глава творческого коллектива завода, ведущий советский мастер фарфорово-агитационных дел Сергей Чехонин решил отказаться от подлазурной росписи в пользу более яркой надлазур-

ной. Но если другие мастера разрабатывали композицию и колорит, вписывали изображение в формат, у Щекатихиной-Потоцкой тарелочное будто с цепи сорвалось: серпы и молоты, буквы и цифры скачут зигзагом и расплзаются, обрастают фривольными листочками и цветочками и всячески отрицают свое пропагандистское содержание.

Матрос с подружкой-работницей в косынке и сапожниках на шнуровке на праздновании 1 мая 1921 года в Петрограде выглядят

как новые былинные герои, вокруг которых кружат легкие парусники, качающиеся в ряби серых штрихов; на блюдах побольше они к тому же осенены салютом с позолотой. Правда, иногда глаза героев косят в разные стороны, словно намекая на непрочность их союза. Хорош «Поющий Интернационал» (1920-е): стриженный под горшок и согнутый в три погибели мужичок в несуразном длинном жилете, шароварах и блестящих сапогах поигрывает на непонятном инструменте; из него уже не просто листочки-цветочки растут,

а целый ветвистый ствол, этакое языческое древо жизни. Плясуньи на тарелках явно распевают частушки, а не гимн, над мамашей с дитятей трубит ангел, еще один несит запеленутого младенца поверх церковных крестов. Всюду проглядывает озорной граффитист, рисующий по-детски кривеньких человечков и каракули, где слово начинается с огромных букв и к концу тает. А пишет-то не «Маша дура», а «Коммуна» или вовсе «3-й Интернационал».

В 1923 году Щекатихина-Потоцкая (вторая фамилия от ее первого мужа) уехала за границу к Билибину — вряд ли можно назвать этот отъезд эмиграцией, так как было получено согласие Наркомпроса. Они путешествовали по Сирии, Египту, Эфиопии, Палестине, жили в Каире и Париже, а работы присылали в Ленинград. В 1936 году вернулись и занялись декорациями к опере Римского-Корсакова «Суд царя Салтана». Катоком репрессий их не задел. Иван умер в первую блокадную зиму, а Александра дожила до персональной выставки и ордена «Знак Почета». Писала воздушные пейзажи и пастозные натюрморты, рисовала иллюстрации и продолжала работать с фарфором — на выставке будет около ста живописных и графических работ и двести произведений керамики. В ее случае особенно резко ощущается несоответствие цели вещи — для народа, для улицы — и реально-го ее функционирования как элитарной ценности. Фарфор Щекатихиной-Потоцкой только притворяется искусством пропаганды, как монументальная скульптура и плакат эпохи, а на деле расшучивает мифологию нового государства до сказки.

Русский музей, корпус Бенуа, со 2 июля